

Л-78

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

На правах рукописи

ЛОРДКИПАНИДЗЕ ГУРАМ АМВРОСИЕВИЧ

ДРЕВНЯЯ КОЛХИДА В VI—II ВВ. ДО Н. Э.

(историко-археологическое исследование)

Исторические науки — История СССР — 07.00.02
Диссертация написана на русском языке

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ТБИЛИСИ — 1975

Работа выполнена в Институте истории, археологии и этнографии
им. И.А.Джавахишвили АН ГССР

Официальные оппоненты:

1. Доктор исторических наук, проф. И.Т. Кругликова
2. Доктор исторических наук М.П. Инадзе
3. Доктор исторических наук, проф. О.М. Джаларидзе

Ведущее научное учреждение - Государственный музей Грузии
им. С.Н. Джанашиа.

Автореферат разослан " " _____ 1975 г.

Защита диссертации состоится " " _____ 1975 г.
на заседании Ученого совета Института истории, археологии и эт-
нографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР, Тбилиси, ул. Дзержинского,
8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

В последнее время в нашей исторической науке отчетливо прослеживается повышенный интерес к проблемам древней истории Колхиды. Данное обстоятельство, обусловленное расширением археологических изысканий, вызвано не только недостаточной разработанностью проблемы, но и тем фактором, что этот регион является колыбелью первых классовых обществ на территории исторической Грузии, связанных с древневосточными цивилизациями.

В ассирийских и урартских письменных источниках неоднократно упоминаются племенные союзы, крупные политические объединения Кулха-Колха. Являясь одним из ранних центров производства железа, они вели упорные бои с Урарту и смогли противостоять его экспансии. Принято считать, что государство Колха просуществовало до начала VII в. до н.э. и пало в результате нашествия киммерийцев. На его развалинах в VI в. до н.э. возникло новое государственное объединение, политико-экономические центры которого, как предполагают, переместились с юга на север в Рионскую долину (Т.А. Меликишвили).

Историческая наука еще не располагает достаточными источниками, позволяющими с необходимой полнотой осветить историю Грузии данной эпохи. По этой причине мнения исследователей часто бывают диаметрально противоположными. Так, например, по предположению некоторых ученых, нашествие киммерийцев и скифов вовсе не затронули Колхиду, и указанное политическое образование, раннеклассовое общество, продолжало существовать и в последующие века (Т.К. Микеладзе). Вместе с тем, исследователи не оспаривают тезиса о перемещении политических и экономических центров в Западную Грузию. Если такое перемещение действительно имело место в VI в. до н.э., то этот факт прежде всего надо связать с возникновением так называемой ^{империи} державы Ахеменидов. Советскими исследователями

выявлены экономические причины возникновения этой империи. Развитие производительных сил, товарного производства, расширение торговли диктовали экономическую и, следовательно, политическую необходимость объединения отдельных слабо развитых стран в составе единого сильного государства, в целях регулярного беспрепятственного обмена, осуществления международной торговли, приносящей казне Ахеменидов огромные доходы. Естественно, данный процесс в это время протекал исключительно насильственным путем. Именно таким образом в интересующее нас время Иран выходит непосредственно к границам Колхиды, по-видимому, включив южную часть её территории в состав империи, в частности, XIX сатрапии. Примерно в это же время, согласно новейшим археологическим материалам, на Причерноморском побережье Грузии появляются греческие поселения, сыгравшие важную роль в развитии местного классового общества, способствуя тесным политическим, экономическим и культурным связям местного населения с античным миром. Как известно, "великая греческая колонизация" уже в VI в. до н.э. придала греческой торговле мировой характер. Именно в эту эпоху столкнулись экономические и политические интересы греческого и иранского миров. Колхида — небольшая локальная область Закавказья, раннеклассовое государство — оказалась на стыке двух могучих цивилизаций — восточной и западной, что, естественно, не могло не наложить своего отпечатка на весь дальнейший ход её исторического развития.

С конца VII — начала VI в. до н.э. наблюдаются существенные изменения в материальной культуре Колхиды, связанные не с миграциями племен, а с глубокими сдвигами внутри самого общества, вызванными революционной ролью широкого освоения железа.

Цель нашей работы — на фоне вышеизложенной политической ситуации исследовать историю древней Колхиды, на конкретном археологическом материале показать уровень её социально-экономического развития в VI — II вв. до н.э.; кроме того, используя сведения древних авторов, проследить классовую структуру данного общества, изучить экономику (сельское хозяйство, некоторые отрасли ремесленного производства, торговля и денежное обращение), идеологию и культуру древних колхов.

Такого рода работа о древней Колхиде выполняется впервые. В той мере, в какой позволяет современное состояние источников, мы попытаемся исследовать вопросы, связанные с социально-экономической историей Колхидского царства, возникшего в конце VI в. до н.э. и просуществовавшего до II в. до н.э., до присоединения к Понтийскому царству. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения и занимает 330 страниц машинописного текста. К работе прилагается альбом иллюстраций.

I. ПРОБЛЕМА КОЛХИДСКОГО ЦАРСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема Колхидского царства возникла сравнительно недавно, в тридцатых годах нашего столетия, когда акад. С.Н.Джаналиа впервые высказал мысль о существовании в VI в. до н.э. на территории современной Западной Грузии колхского государства. Опираясь, в основном, на сообщения древних авторов, он, кроме того, считал важным доказательством наличия в Колхиде государственной власти выпускаемые здесь монеты "колхидки". По его мнению, к VI в. до н.э. население страны уже достигло той ступени общественного раз-

витии, когда должны были возникнуть государственные институты. Древнеколхское государство ему представлялось рабовладельческим, для которого характерными являлись многоплеменность и сохранение родовых органов управления. Колхиду древних авторов единой политико-географической единицей, простиравшейся от Кавказского хребта до г. Трапезунта, считал и акад. И.А. Джавахишвили. В советской историографии довольно продолжительное время пользовались этими общими положениями, хотя некоторые исследователи отрицали наличие колхидского царства. В одной из своих работ А.И. Болтунова отмечала, что на рубеже V - IV вв. до н.э. колхи еще переживали первобытно-общинный строй, а термин "Колхида" в письменных источниках употреблялся не в качестве понятия "государство колхов", а в значении местности, населенной ими. Полемизируя с Д.Г. Капанадзе и др., считавшими "колхидки" местным царским чеканом, она относила их к приморским городам, в частности, к Фасису.

Персидское владычество, наличие греческих колоний, а позже - зависимость от Понта и Рима А.И. Болтунова считала тормозящими факторами возникновения здесь государства;

Археологический материал в то время только накапливался. Б.А. Куфтин в пятидесятых годах писал: "... если действительно удастся в необходимом масштабе развернуть широко начатое в 1933-1936 гг. в разных пунктах Колхиды (Наохвamu, Очамчире, Анаклия, Эшери, Даблагоми) археологические раскопки, историческая проблема легендарной Колхиды и первенца грузинской государственности - Колхидского государства - сможет быть решена с неожиданной полнотой". По мере поступления новых археологических источников, естественно, менялась и концепция А.И. Болтуновой. Впоследствии она также приш

к выводу, что в наиболее развитых районах Колхиды в середине первого тысячелетия до н.э. экономическое развитие достигает высокого уровня, из сельского хозяйства выделяются ремесла, работающие на рынок, зарождается частная собственность.

С дальнейшим развитием источниковедческой базы (Г.А. Меликишвили, Т.С. Каухчишвили и др.) острее становилась необходимость углубления археологических исследований проблем, связанных с Колхидским царством.

Исследуя историю населения Юго-Восточного Причерноморья, а также прилегающих к нему областей, Г.А. Меликишвили неоднократно подчеркивал, что, несмотря на общность материальной культуры, на довольно обширной территории, включая Западное Закавказье, в конце II века до н.э. здесь не было "еще даже прочного союза племен". Упомянутые в ассирийских источниках племена "килха" жили в условиях распадавшегося родового строя. Позже, по урартским письменным источникам, здесь, на этой же территории, находится страна "Кулха", прочное объединение племен, во главе которого стоят не царьки, а один царь. В это время "кулха" разгромила "царство Диаухи". В конце III в. до н.э. такая же участь постигла и Кулха Южноколхидское царство; после походов киммерийцев и скифов о нем нет никаких сведений. В VI в. до н.э. уже на территории Западной Грузии складывается новое политическое образование - Колхидское царство. Оно является, по мнению Г.А. Меликишвили, преемником Южноколхидского царства, так как и в греческих мифах об аргонавтах, действие которых восходит к концу II тысячелетия, место действия перенесено с Юго-Западного Причерноморья на берега Фасиса.

В связи с дискуссией об "азиатском способе производства"

стало необходимым более четко определить социальную сущность раннеклассовых, так называемых "переходных" обществ вообще, в том числе и Колхидского царства. Этой проблеме посвящены специальные труды Г.А. Меликишвили. Автор исходит из марксистского учения о трех основных этапах социального развития: 1/ первобытное, внеклассовое общество, 2/ классовое общество, 3/ развитое, внеклассовое общество. Классовое общество, со своей стороны, делится также на три этапа: неразвитое раннеклассовое общество, развитое классовое общество и позднеклассовое, переходное к внеклассовому обществу. Раннеклассовое, неразвитое классовое общество с сильными пережитками первобытно-общинного строя, по его мнению, существовало в Колхиде. Институты частной собственности здесь были недостаточно развиты, широкие слои населения сохраняли личную и экономическую независимость. Дальнейшее развитие раннеклассового общества, как мы убедимся на примере археологических источников, действительно шло по пути имущественной, социальной и отсюда-правовой дифференциации широких кругов непосредственных производителей.

Г.А. Меликишвили в своих работах подчеркивает, что "мы располагаем очень скудными данными по социально-экономической истории Колхиды". В какой-то мере наше исследование призвано заполнить пробел, так как в последовавших за трудами Г.А. Меликишвили работах основное внимание уделялось проблеме приморских городов Колхиды и взаимоотношениям страны с античным миром (М.П. Инадзе, О.Д. Лордкипанидзе, Н.Ю. Ломоури, Т.К. Микеладзе и др.).

Принятая исследователями теза о наличии в Колхиде VI в. до н.э. государства вызвала изменение традиционных взглядов на

приморские города Восточного Причерноморья, считавшиеся греческими колониями - полисами. Возникла теория о так называемом "смешанном характере" приморских городов Колхиды. Предполагалось, что с самого начала своего существования греческие колонисты попали в трудные условия, так как в Западной Грузии к моменту их появления уже существовало Колхидское царство.

Вопрос о взаимоотношениях греков с местным населением в нашей историографии остается наименее разработанным. Одни исследователи считают, что этот процесс не был мирным, и колонисты в Колхиде ставили целью захват земель и порабощение местного населения (Ш.А. Месхиа, Э.В. Анчабадзе, Н.Ю. Ломоури, В.В. Ланин и др.), другие вообще обходят эту проблему.

На примере Пичвнарского городища А.Ю. Кахидзе выделяет также два этапа в колонизационной деятельности греков: "... На её первом этапе греческая колонизация (ионийская) была здесь насильственной и не имела значительного успеха. Второй же этап - "аттический"... протекал в иных условиях - греки и колхи мирно сосуществовали". В результате этого, по его предположению, в Пичвнари (Кобулет) возникает греческое поселение полисного типа.

Бесспорно, как показывают археологические данные, греки селились в местных приморских торгово-экономических центрах, возникших еще в конце позднебронзовой эпохи (Д.А. Хахутаишвили, М.П. Инадзе, О.Д. Лордкипанидзе). С появлением колонистов ускорился процесс превращения этих поселений в города. Смешанное население придавало, по мнению М.П. Инадзе, своеобразный характер как этническому составу населения, так и городской организации и культурному облику этих городов. К тому же роль греков-поселенцев ограничилась, в основном, организацией торговли, в которой были кровно заинтересованы представители местной знати; именно

такая общность интересов должна была способствовать прочному обоснованию греков в приморских городах Колхиды. Этим надо объяснить и столь ранний выпуск "колхидок", крупные номиналы которых М.П. Инадзе связывает с монетным двором Фасиса. По мнению М.П. Инадзе, своеобразие колхских приморских городов, их отличие от обычных греческих полисов проявляется в том, что здесь важную роль играли представители местного населения в лице мелких производителей, ремесленников и земледельцев. Греки, по её предположению, скупали у местного населения большую часть сельскохозяйственных продуктов, так как они сами не занимались сельским хозяйством.

Наличие в приморских городах Колхиды сильного местного элемента еще не может служить доказательством их ведущей роли в жизни населения и отсутствия здесь греческих поселений полисного типа. Например, в Синопе также отмечают существование "сильного местного населения этого города" (М.И. Максимова), но это не говорит о гегемонии его в городской жизни. Н.Ю. Ломоури, М.М. Трапш и др. решающее значение в жизни "смешанных городов" Колхиды придают местному этническому субстрату. Более того, по их мнению, приморские города быстро потеряли свой греческий характер (но для этого ведь сначала необходимо допустить, что когда-то они имели такой характер - Г.Л.) и превратились в центры Колхидского царства.

В целом концепция "смешанных городов" не подкреплена достаточными фактическими материалами и во многом основана лишь на общих суждениях о существовании в Колхиде этого времени "сильного", "мощного" и пр. государственного объединения.

Иного мнения о статусе приморских городов придерживается О.Д. Лордкипанидзе, исходной точкой которого также является факт наличия в Колхиде государства. По этой причине он считает невозможным возникновение в Восточном Причерноморье греческих городов-государств, классических полисов, которые характеризуются прежде всего наличием развитой производственной, сельскохозяйственной и ремесленной базы, а в политическом отношении - самоуправлением. Теорию о смешанном характере городов он считает попыткой примирения, с одной стороны, традиционного взгляда на приморские города Колхиды как на чисто греческие колонии, а с другой стороны, существующего археологического материала, свидетельствующего о местном характере поселений Колхиды. Его концепция, к которой примыкает и Т.К. Микеладзе, сводится к тому, что греческие поселения являлись лишь эмпориями, торговыми факториями при местных городах, а греческие поселенцы не принесли сложных форм эллинистической и социальной организации.

Археологические источники: отдельный, обширный некрополь греков с ярко выраженной дифференциацией внутри греческой общины в Кобулеги - Пичвнари, весьма обширный импорт из Пичвнарского и Эшерского городищ, ремесленные изделия города Дискурки, известная Сухумская стела и др. не позволяют нам разделить вышеизложенную гипотезу.

Небезинтересно отметить, что совершенно противоположные выводы были получены Ю.Н. Вороновым на основании исследования небольшого Эшерского городища близ Сухуми. Он считает, что на данной территории находилось греческое поселение, поселение городского типа, продукт греческой колонизации. По его мнению, это было сельскохозяйственное поселение с некоторыми отраслями ре-

мсленного производства. На наш взгляд, Эгерское поселение; вероятно, располагалось на сельскохозяйственной территории Диоскурии и вряд ли являлось, в политическом и экономическом отношении, самостоятельной единицей. Определенную роль в жизни Эгерского городища играло и местное население.

Накопившийся археологический материал не оставляет сомнений в том, что города Восточного Причерноморья являлись значительными очагами греческой культуры; именно отсюда шло греческое влияние на внутренние районы страны. Естественно, это влияние не проявилось сразу же с приходом греков, в VI в. до н.э. Оно распространялось постепенно и прежде всего затронуло правящую верхушку страны, а в эллинистическую эпоху проникало в сравнительно широкие круги средних слоев населения Колхиды, охватив как социально-экономическую, так и идеологическую сферу. Радиация греческой культуры к концу IV в. до н.э. дала и качественные сдвиги в материальной культуре Колхиды. Эллинистическая эпоха в Колхиде ознаменовалась: широким распространением эллинской строительной техники, а также архитектурных форм, появлением греческих форм в керамике, изменением отдельных элементов погребальных обрядов, широким распространением греческого языка и письменности, синкретизмом греческих и колхских религиозных верований и пр.

Отрицая какое-либо значение греческих поселений приморской Колхиды в качестве распространителей эллинистической культуры вглубь страны, О.Д. Лордкипанидзе связывает появление вышеуказанных новых черт в социально-экономической жизни Колхиды с так называемой "большой экспансией" Иберии и с колонизацией ею

центральных и западных районов Колхиды. По этой теории не местное коренное население, а пришельцы месхи, соприкасавшиеся с мезоазиатскими грками, являлись носителями эллинистических черт культуры. С месхами связывает он и кувшинные погребения (IV - III вв. до н.э.) Западной Грузии.

По нашим данным, эллинистическая культура не была насаждена насильственно, механически, путем какой-нибудь экспансии или в процессе "колонизации месхов". Это было естественным длительным объективным процессом взаимного воздействия двух культур, что позволяет нам говорить об эпохе эллинизма в Колхиде. Красно-речиво указывает на этот факт и рассматриваемый нами во II главе нашей диссертации археологический материал.

Согласно имеющимся предположениям, племена месхов должны были проникнуть в Западную Грузию еще до завоевания восточных областей Колхиды Иберийским царством на рубеже IV - III вв. до н.э. и в рассматриваемый период населять южные и восточные части страны. Этот процесс был длительным, постепенным и, как предполагает Г.А. Меликишвили, не сопровождался коренным изменением этнического состава.

Археологический материал также не подтверждает разгрома Колхидского царства после падения Ахеменидов, смерти Александра Македонского или вследствие войн диодохов (Ю.М. Гагошидзе). Мы располагаем нумизматическими фактами именно начала III в. до н.э., указывающими, что в Колхиде в это время правил царь Аки, а позднее, во II в. до н.э., Савлек (Д.Г. Капанадзе, К.В. Голенко).

Хорошо известно, что основным принципом периодизации истории той или иной страны является вопрос о критериях, об исторических формах, определяющих кардинальные различия тех или иных

обществ и исторических эпох, выявление движущих сил исторического процесса. Такими критериями периодизации древней истории, первых раннеклассовых обществ прежде всего служат следующие факторы: рост производительных сил, товарного хозяйства, форм собственности и эксплуатации, форма политической организации и др. Разрабатывая новую периодизацию истории Колхиды, Т.К. Микеладзе отказался от традиционной в нашей историографии "европейской модели", справедливо предполагая, что античный период может иметь только античное общество. Действительно, периодизация истории каждой страны, в том числе и Колхиды, прежде всего должна определяться этапами собственного развития. Но почему-то Т.К. Микеладзе исходным рубежом для своей периодизации древней истории Колхиды избрал середину XIII в. до н.э. - предполагаемую дату похода аргонавтов в царство Аиета, которая не может иметь какого-либо отношения к этапам внутренней жизни страны.

Первый этап I периода Древнего царства, по Т.К. Микеладзе, длился до середины VIII в. до н.э. Исходной базой в данном конкретном случае ему служил лишь тот факт, что примерно с этого времени одновременно в урартских письменных источниках и древнегреческих литературных памятниках имеются упоминания о стране Кулха//Колха, Колхиде, колхской земле. В отличие от Г.А. Меликишвили, он считает нереальным поход скифов и киммерийцев по Меотидо-Колхидской дороге или морским побережьем, результатом чего явился бы разгром Колхского царства. Колхиду данной эпохи он по-прежнему считает "крупной этно-политической единицей", которая занимает ту же территорию, что и Дианухи - Кулха.

Интересующую нас эпоху VI - II вв. до н.э. Т.К. Микеладзе относит к так называемому второму периоду колхской государственности, называя её "Средним царством", "Среднее царство", так же

как и "Древнеколхское царство", он считает государством раннеклассового типа, для которого характерна многоукладность экономики и которое, по существу, не являлось ни родовым, ни рабовладельческим, ни феодальным обществом, но содержало элементы всех этих обществ, т.е. было государством переходного типа.

Колхида VI - V вв. до н.э. в политическом отношении, по-видимому, не являлась прямым, непосредственным преемником Кулха-Колха урартских источников. Мы не разделяем мнения о возможности механического перенесения в эпоху Ахеменидов и под их натиском экономико-политических центров страны с юга на север, в Западное Закавказье, хотя общность материальной культуры этих регионов не вызывает сомнения. Такая общность наблюдается и с Северо-Западным Кавказом (Кобан). К моменту возникновения Колхидского царства Кулха уже не существовала. В письменных источниках с конца VIII в. до н.э. нет никаких данных о наличии в Юго-Восточном Причерноморье (в среднем и верхнем течении р. Чорохи и прилегающих к ней областях) какой-либо политико-экономической единицы, государственного образования. Политическая ситуация в VII - VI вв. до н.э. в Малой Азии была такой: к концу VII в. до н.э. могучая когда-то Ассирийская держава перестала существовать, в начале VI в. до н.э. Мидия захватила Урарту, часть Малой Азии до реки Галис (И.М. Дьяконов). Ахемениды расширили границы еще дальше на запад, в 546 г. до н.э. завоевав Лидию и греческие государства Малой Азии (М. Дандамаев). Относительное затишье на политической арене наступает лишь после 20-х гг. VI в. до н.э.

Поэтому мы исключаем возможность существования в это время Кулха и какого либо расширения влияния колхов, их политичес-

кой активности в южном направлении, как это предполагает некоторые исследователи. Без всякого сомнения, вся территория Кулаха вошла в состав Ахеменидской империи, а после реформы Дария I, около 518 г. до н.э., составила XIX сатрапию — отдельный военно-административный податный округ, населенный месхами, тибаренами и др. грузинскими племенами. XIX сатрапия непосредственно примыкала к южным рубежам Колхидского царства, которое возникло не путем перенесения государственных институтов с юга, а в результате долгого и сложного самостоятельного внутреннего развития. Прежде всего об этом свидетельствуют археологические источники.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛХИДЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ (анализ археологических источников)

После выхода в свет капитальной монографии Б.А.Куфтина, заложившего основы археологического изучения Колхиды, прошло 25 лет. Как известно, археология отличается от других исторических наук совершенно особыми темпами количественного роста научного материала. В отличие от письменных источников, число которых нарастает медленно, археологические источники в количественном отношении удваиваются каждые 20-30 лет (А.В. Арциховский). Действительно, накопившийся за это время археологический материал по Колхиде позволяет приступить к более подробному анализу социально-экономической жизни как приморских, так и внутренних районов страны. Без такой работы трудно воссоздать научно достоверную стратификацию, показать классовую структуру Колхидского общества, доказывать или отрицать наличие здесь государства.

Принято считать, что возникновение городов в Колхиде совпадает, с одной стороны, с процессом формирования государства, а с другой — с эпохой великой колонизации. Действительно, более ранние городища на территории современной Западной Грузии не обнаружены, и их возникновение мы можем относить к VI — V вв. до н.э. Данный процесс хорошо прослеживается на примере Пичвиарского городища (Д.А. Хахутайивили, А.Ю. Казидзе).

Пичвиарское городище расположено в 10 км к северу от курорта Кобулет, в нескольких сотнях метров от современной линии морского берега, в междуречье рек Чолоки-Очхамури. Общая площадь городища около 30 га. Интенсивная жизнь здесь наблюдается и в эпоху бронзы. В конце II — первой половине I тысячелетия до н.э. здесь четко прослеживается наличие довольно мощного ремесленного производства, как меднолитейного, так и гончарного. Как известно, раньше всех ремесел в самостоятельную отрасль производства выделяется металлообработка. Ведь для начала производства бронзы в сколь угодно широком масштабе требовались полностью занятые в нем специалисты (Г. Чайлд).

Как известно, позже всех отделилось от сельского хозяйства, обособилось в самостоятельную отрасль производства гончарное ремесло; появление гончарного круга является верным признаком наличия в обществе специалистов-гончаров, выпускающих продукцию на продажу. Существование таких социальных категорий, людей, занятых производством металла, керамики и пр., было возможно лишь в таком обществе, где имелось достаточное количество прибавочного продукта. Подавляющая часть керамики позднебронзовой эпохи из Пичвиари-высокого качества и изготовлена на гончарном круге. Обычно гончарный круг связывается с теми обществами, где возникают классо-

ные отношения (А.В. Арциховский). В раннеантичную эпоху в Пичвнари уже выделен особый квартал гончаров, который впоследствии включается в состав территории города (А.Ю. Кахидзе). Археологический материал - сельскохозяйственные орудия, шифсы, зернотерки и пр. - свидетельствует и о развитии сельского хозяйства. Таким образом, в VI в. до н.э. Пичвнари уже является крупным поселением с отдельным кварталом ремесленников и людей, занятых сельскохозяйственным трудом. Развитое ремесленное производство выдвигает это поселение и в качестве торгового центра для окрестных территорий. Уже во второй половине VI в. до н.э. здесь возникает и греческое поселение (А.Ю. Кахидзе).

Археологическими раскопками еще не обнаружены городские кварталы, частные дома горожан или общественные сооружения, мы ничего не знаем о планировке городища, об оборонительных сооружениях, которые, несомненно, имелись. Но все же засвидетельствованные здесь мощные культурные слои, насыщенные местной и импортной керамикой, свидетельствуют об интенсивном характере городской жизни в VI - IV вв. до н.э. Об этом же говорят и клады монет, связанные с территорией городища. Но этого еще недостаточно для определения характера поселения, которое окончательно оформилось в город в эпоху появления греческих поселенцев. Открытие отдельного некрополя греков-поселенцев и местных жителей (А.Ю. Кахидзе) подтвердило смешанный характер города. Отсутствие в погребениях оружия служит подтверждением мирного характера их взаимоотношений.

Колхские погребения VI - IV вв. до н.э. грунтовые, ингумационные. Ориентировка покойников преимущественно северная. Ведущее место в погребальных комплексах занимают местные ремесленные изделия. Выделяются, с одной стороны, сравнительно богатые, с золотыми украшениями, погребения, с другой стороны - захороне-

ния более бедных горожан. Интересно отметить, что из 50 раскопанных в 1966 г. могил, 12 оказались без всякого погребального инвентаря. Могильник местного населения четко отражает его социальную структуру: в основном погребенные принадлежали рядовым гражданам города (А.Ю. Кахидзе), которые, вероятно, занимались как земледелием, так мелкой торговлей и различными ремеслами.

К юго-западу от колхского некрополя, в равнинной местности, располагался могильник греков-поселенцев, датированный V в. до н.э. (А.Ю. Кахидзе). Судя по материалам данного могильника, возникновение постоянных греческих поселений Пичвнари можно отнести к началу V в. до н.э., указаний на более ранний период пока нет. На греческом некрополе раскопано 41 погребение. Преобладают ингумационные, но засвидетельствованы и кремационные погребения. Такое соотношение, как и восточная ориентация, характерно для греческих захоронений. Возможно, и в Пичвнари различие в погребальных обрядах греков (D.M. Robinson) носит социальный характер. Погребальный инвентарь позволяет говорить о существовании в греческой общине богатых, весьма состоятельных людей, которых скорее всего можно отнести к разряду крупных торговцев. Среди греческих погребений выделяются также могилы менее состоятельных и даже бедных поселенцев, о роде занятий которых мы можем только догадываться.

В погребениях эллинистической эпохи уже трудно определить этническую принадлежность погребенных. А.Ю. Кахидзе проследил постепенную эллинизацию местного населения. Археологический материал дает нам социальную стратификацию населения города, но еще нет прямых данных о политическом устройстве, статусе города. А.Ю. Кахидзе, основываясь на результатах новейших исследований,

которые еще не введены в научный оборот, считает, что в V в. до н.э. здесь существовало греческое поселение полисного типа

Если такой значительный в археологическом отношении пункт, как Пичвнари, не упомянут древними авторами, то можно логически заключить, что неоднократно упоминаемые города Фасис и Диоскурия должны были намного превосходить его во всех отношениях. К сожалению, Фасис еще не обнаружен, а большая часть Диоскурии поглощена морем.

Случайная находка со дна Сухумской бухты — мраморная надгробная стела со сценой прощания молодой знатной женщины с домохозяевами, датированная 430—420 гг. до н.э. (О.Д. Лордкипанидзе), свидетельствует о наличии среди греческих поселенцев Диоскурии довольно состоятельных горожан.

По археологическим источникам, ближайшие окрестности города, холмы, прилегающие к городу (Гуадику, Сухумская гора, Замок Баграта и др.), были заняты местными жителями. По нашему мнению, они не входили в состав населения Диоскурии, а представляли собой небольшие местные сельские поселения. В этом отношении нам рисуется аналогичная с Трапезуитом картина, где по данным Кеанофонта, колхи жили в окрестностях города, их села занимали прибрежные холмы и окрестные горы.

В 15 км к северо-западу от Сухуми, между с. Эшери и Новым Афоном обнаружены крупные остатки керамического производства. Именно здесь засвидетельствованы ручки местных амфор с клеймом

ΔΙΟΣ / ΚΟΥ, относящиеся к раннеэллинистической эпохе.

Клеймо, можно полагать, содержит сокращенное название города — ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ. Такое полное название города в родительном падеже — ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΟΣ — мы встречаем на медных монетах города II в. до н.э., что означает "(монеты) Диоскуриады".

И.Б. Брашинский отдает предпочтение этнику (обычному на амфорных клеймах), и в таком случае клеймо можно читать как ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΟΣ — "(амфора) диоскурийцев". В обоих случаях мы имеем первостепенный источник, доказывающий полисный характер клеймения гончарной продукции Диоскурии. Таким образом, Диоскурия, бесспорно, являлась крупным центром ремесленного производства, а клейменная тара предназначалась, вероятно, прежде всего для вывоза местных сортов вина. Некоторые исследователи предполагают, что в Диоскурии изготовлялась и чернолаковая керамика (М.М. Трапш), но выделить эту продукцию среди археологического материала, по нашему мнению, еще не удастся.

Судя по местонахождению керамических обжигательных печей, сельскохозяйственная территория Диоскурии была довольно обширной и включала такое крупное поселение, каким являлось Эшерское городище. Раскопанные в разные годы погребения позволяют предположить, что и в Эшери, отдельно друг от друга, существовали греческие и колхские могильники, но, в отличие от Пичвнари, здесь представлены захоронения с оружием. Кроме того, на территории городища обнаружены фрагменты шлемов аттического и коринфского типов, махайра, железные наконечники копий, бронзовые наконечники стрел и др. (Г.Ф. Шамба, Ю.Н. Воронов), что, по нашему мнению, должно указывать на довольно напряженную ситуацию, сложившуюся здесь в интересующее нас время.

Эшерское городище, судя по земляному валу и остаткам крепостной стены эллинистической эпохи (Г.Ф. Шамба), являлось опорным пунктом Диоскурии.

Существующий археологический материал не позволяет более подробно раскрыть сложные вопросы взаимоотношений греков и

местного населения, проживавшего на контролируемой Диоскурией сельскохозяйственной территории. Могильник, раскопанный М.М. Трашом на западной окраине современного Сухуми, известный в археологической науке как Красномаякский, расположен в 5 км от центра города, на Гумистском мысу. Хронологические рамки некрополя VIII-II вв. до н.э. дают возможность проследить процесс социального развития начиная с эпохи, предшествующей греческой колонизации, и кончая позднеэллинистическим временем. Археологическими раскопками выявлено 152 погребения. К наиболее ранним относятся погребения, в которых совместно представлено бронзовое и железное оружие, в том числе и колхидские топоры. Как показывают материалы из других памятников Западной Грузии, совместное нахождение железного и бронзового оружия характерно для VIII-VI вв. до н.э. (М.В. Барамидзе).

Для ранних погребений характерно сосуществование двух типов погребений: 1) вторичные захоронения в урнах, 2) грунто-вые могилы с скорченными костями на правом боку, головой на юго-запад или запад. Погребальный инвентарь говорит об их примерно равном имущественном, а отсюда - и социальном, положении. В VI-V вв. до н.э. вторичные захоронения уже не встречаются, ведущим типом становятся вытянутые труположения на спине, с сохранением традиционной ориентации. Погребения с оружием VI в. до н.э. свидетельствуют о выделении в местной социальной среде профессиональных воинов. В последующие века число погребений с оружием уменьшается, последнее становится принадлежностью лишь богатых погребений. В погребениях V-IV вв. до н.э. наблюдается очень резкая имущественная дифференциация. Наряду со сравнительно богатыми погребениями, в которых представлены золотые, сереб-

ряные украшения, греческие керамические и металлические изделия, оружие и пр., встречаются погребения или очень бедные, или же совершенно без каких-либо вещей. Погребальный инвентарь - типично колхский и характерен для всей Западной Грузии.

Такая имущественная дифференциация характерна только для классового общества.

Довольно обширное местное поселение выявлено в северной и северовосточной частях г. Сухуми - местности, известной под общим названием "Сухумская гора". Поселение здесь возникло еще в эпоху поздней бронзы и продолжало существовать в VI-II вв. до н.э. В археологическом отношении могильник изучен лучше, чем поселение, которое, как предполагалось, было укреплено деревянными стенами (М.М. Траш).

Погребения Сухумской горы делятся на две хронологические группы. К предантичной эпохе относятся три погребения. Погребение № I, мужское, вытянутое труположение на спине, головой к востоку, с бронзовым оружием, датировано IX-VI вв. до н.э. (А.Н. Каландадзе), а два кремационных, женских - VI-VI вв. до н.э. Погребения V-III вв. до н.э., к сожалению, были обнаружены при строительных работах и точно установить обряд не удалось (А.Н. Каландадзе). Анализируя комплексы, опираясь на наблюдения А.Н. Каландадзе, мы приходим к заключению, что и в античную эпоху здесь продолжают сосуществовать два обряда погребения: труположение мужчин и кремация женщин. Характерной чертой всех мужских погребений является большое количество боевого оружия: наконечники копий, мечи, кинжалы, топоры-молотки, секиры-молотки. Вероятно, погребения, в которых представлены и греческие ремесленные изделия, принадлежат дружинникам-профессиональным воинам, выделившимся из общей массы общинников, что харак-

терно для эпохи распада родоплеменных отношений. (Возможно, постоянная угроза со стороны греческих поселенцев вынуждала местных жителей — колхов — не расставаться с оружием).

На отрогах Сухумской горы, между г. Сухуми и с. Бзырха, М.М. Траштем был раскопан обширный могильник; 32 погребения датированы им VII-VI вв. до н.э., а 59 — V-IV вв. до н.э. Отсутствие бронзового оружия, доминирующее положение железных наконечников копий и топоров типа Сухумской горы и Красного Маяка, позволяют определить нижнюю дату могильника концом VII — началом VI вв. до н.э.; верхняя дата не вызывает возражений.

Погребения Гуадику, все индивидуальные (в отличие, например, от Брильского кремационного могильника), по обряду захоронения делятся на два типа: кремационные и ингумационные. По нашим наблюдениям, так же как и на Сухумской горе, кремационные являются женскими, а ингумационные — мужскими. В ингумационных погребениях костяки почти не сохранились, но все же по отдельным деталям установлено вытянутое труположение на спине, головой на запад.

В погребениях VII-VI вв. до н.э. не чувствуется резкой имущественной дифференциации. Из 17 ингумационных погребений этого времени оружие зафиксировано в 12.

Погребения V-III вв. до н.э. дают яркую картину глубокой имущественной дифференциации, происшедшей всего за одно столетие, в чем, по-видимому, определенную роль сыграли и греческие поселения. В отличие от ранних погребений, в них в довольно значительном количестве представлены греческие ремесленные изделия. Выделяется большая часть погребений без всякого инвентаря, что может не свидетельствовать и о социальном неравенстве погребения. Из 12 ингумационных погребений восемь были с оружием. В

погребениях Гуадику засвидетельствованы случаи находок монет: это, "колхидка" и несколько медных монет, которые свидетельствуют об определенном участии одной части населения в торгово-денежных отношениях, что не характерно для родового строя.

Характерной чертой погребений Гуадику, Сухумской горы, Красного маяка, расположенных в ближайших окрестностях Диоскурии, является наличие оружия в большинстве мужских погребений. Данное обстоятельство может служить доказательством тому, что местное население в это время было на том уровне социально-экономического развития, когда каждый боеспособный член общества — воин, народ и войско составляют одно целое, т.е. публичная власть совпадает непосредственно с населением. Как известно, "самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы" (Ф.Энгельс). Страбон, характеризуя племена сванов, населявших горные области Центральной и Западной Колхиды, отмечает: "Недалеко (от Диоскурии — Г.Л.) живут и соанн... пожалуй, даже первые из местных народов по силе и могуществу. По крайней мере, они господствуют над Диоскурией. У них есть царь и совет трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью..." (Strabo, XI, 2, 19). Еще Н.С. Джанашиа и Г.А. Меликишвили отметили, что, по этим данным, сваны жили родовым строем. Действительно, Страбон рисует классическую структуру политической организации родового строя — вождь, совет старейших и народное собрание, характерное для эпохи "военной демократии".

Несмотря на это, археологический материал из погребений, рассмотренных в диссертационной работе, показывает, что эпоха военной демократии для племен, населявших окрестности Диоску-

рии, была, по-видимому, пройденным этапом, хотя пережитки первобытно-общинного строя, по-видимому, были очень сильны.

Из общей массы общинников выделяются профессиональные воины, которые являются потенциальными владельцами средств производства, значительной части общинной земли. Именно на эту прослойку, на родо-племенную знать опиралась верховная власть Колхиды. Не исключено, что местная племенная знать играла определенную роль в жизни Диоскурии; которая, по Страбону, являлась эмпорием для окрестных племен.

Подавляющая часть погребального инвентаря указанных погребений изготовлена в Колхиде. Привлекает внимание стандартизации ассортимента и форм оружия, украшений и др. предметов, характерных как для данного региона, так и для остальной Колхиды. Это позволяет говорить о наличии не только общеколхского внутреннего рынка, но и крупных местных производственных центров, сосредоточенных скорее всего в колхских городах. Последние, как свидетельствуют письменные и археологические источники, существовали и во внутренних районах страны.

Одним из значительных поселений Колхиды является Ванское городище, игравшее важную роль в политико-экономической и религиозной жизни страны в VI-II вв. до н.э. (Н.В. Хоштария, О.Д. Лордкипанидзе). Об интенсивности городской жизни в раннеантичную эпоху свидетельствуют мощные культурные слои VI-IV вв. до н.э., толщина которых в среднем достигает I-I,5 м. С этими слоями связаны остатки деревянных, в том числе довольно крупных, сооружений с глиняной обмазкой, что характерно для всей колхской строительной техники. Она была традиционной, как, вероятно, и планировка города, который состоял из разбросанных на склонах холмов жилищ и связанных с ними хозяйственных построек;

вершины занимали храмы.

Здесь обнаружены расположенные гнездами на различных террасах богатые усыпальницы представителей высших слоев общества. Как предполагают, они относятся к разряду приусадебных захоронений (О.Д. Лордкипанидзе). Такое сосредоточение богатых погребений в одном пункте указывает на существование определенного экономико-административного центра, скорее всего - какой-то крупной сельскохозяйственной округи или же скелтухии.

Огромное количество местных керамических изделий (колхские пифосы, разнообразные кувшинчики, бокалы, стаканы, чаши, миски и др.), которые распространены по всей окружающей обширной территории, говорят не только о развитии местного гончарного ремесла, но и о товарном характере производства. Хотя в Ване еще не обнаружено гончарных печей и мастерских, кварталов ремесленников, но отдельные находки в культурных слоях (шлаки, керамический брак и пр.) указывают на наличие таковых. Судя по многочисленным фрагментам пифосов, основным занятием горожан было земледелие, в частности - виноградарство-виноделие.

Экономический расцвет города приходится на эллинистическую эпоху. Каменные постройки и черепица здесь появляются в IV в. до н.э., но широкий размах строительные работы принимаются в эллинистическое время, когда город значительно расширяет свои границы и, вероятно, выходит на Рионскую низменность. У реки Фасиса, по которой проходила международная торговая дорога (О.Д. Лордкипанидзе), должны были находиться важные кварталы города.

Экономическое усиление города, как и всей страны, отразилось и в том, что в начале III в. до н.э. акрополь города, площадью 6 га, опоясывается мощными оборонительными сооружениями - кре-

постыми сырцовыми стенами на каменном цоколе с полукруглой и шестигульной башнями, отвечающими всем нормам эллинистической военно-инженерной мысли, учитывающие рекомендации полиоркетов (Эпей Тактик, Филон Византийский и др.) и достижения в развитии осадной техники. Фортификационная система Вани была рассчитана на широкое применение в обороне метательных механизмов. В культурных слоях городища обнаружены разного калибра каменные ядра для катапульта.

Сохранилась западная половина крепостных ворот, которые были с востока фленкированы выдвинутой вперед на 4 м полукруглой башней, диаметром около 12 м. Наличие паза в западной стене крепостных ворот, предназначавшегося для катаракты, безусловно предполагает наличие такого же вертикального глубокого желоба и с противоположной стороны - в восточной, несохранившейся, стене. Исходя из теории "золотого сечения", не исключено наличие П-образной, аналогичной западной части, постройки на восточной половине. Таким принципом, например, реконструированы ворота "А" Мантиней эллинистической эпохи.

В Вани, хотя и твердо зафиксировано наличие двойных ворот-катаракты и обитых железными листами массивных дверей - все же классическим типом дилилона их нельзя считать, так как расстояние между ними не превышает 0,70 м. По нашим наблюдениям, ворота состояли из калитки и основного прохода.

Археологические источники свидетельствуют, что в эллинистическую эпоху Вани превращается в крупный стратегический опорный пункт, центр одной из административно-территориальных единиц Колхидского царства. Такое строительство же было под силу лишь экономически сильному классовому обществу, и соот-

ветствовало определенным классовым, социально-политическим целям правящей верхушки страны.

Весьма ценные сведения о социальной структуре населения Колхиды дают погребения, открытые в Вани, на холме Ахвледианебис-Гора, где в V-III вв. до н.э. проживала высшая знать и где находились её родовые усыпальницы. К сожалению, большая часть погребений была разграблена еще в древности, в частности - во время строительства акрополя и дополнительных крепостных сооружений в эпоху владычества Митридата VI Евпатора.

Дошедшие до нас погребения, разбросанные по усадьбам представителей правящей верхушки, говорят о сильной полтризации общества. В погребениях знати сосредоточены значительные материальные ценности - золотая и серебряная утварь, греческая бронзовая и керамическая посуда, многочисленные высокохудожественные золотые и серебряные украшения, оружие и др. Примечательно, что способ погребения и тип самих могил для богатых захоронений Вани, как и по всей Колхиде, единый, он характерен для определенного высшего сословия. Они отличаются от погребения широких слоев населения. Разница в погребальном обряде в данном случае должна объясняться не этническими признаками, а скорее всего социальным статусом погребенных.

Для богатых погребений Ванского городища характерна просторная четырехугольная камера, высеченная в скальном грунте, куда вставляются деревянные массивные погребальные сооружения, сколоченные крупными железными гвоздями. Оно, как и вся могильная яма, засыпается землей и булыжниками. О надмогильных сооружениях нам ничего не известно. Погребения, расположенные гнездами на различных террасах Ахвледианебис-Гора, группировались

по семейному признаку. Представлены как мужские и женские, так и богатые детские погребения. Характерным для погребения знати в Вани и во всей Колхиде надо считать обряд конских захоронений.

Самым ранним является погребение № II, датированное серединой V в. до н.э. (О.Д. Лордкипанидзе), где оказались четыре костяка. Они лежали на одном уровне, в вытянутом положении на спине, головой к востоку. Среди них выделяется богатое захоронение знатной женщины. О весьма высоком положении усопшей на иерархической лестнице колхского общества говорят массивная золотая погребальная диадема и целые комплексы всевозможных высокохудожественных золотых и серебряных украшений. По сравнению с этим главным захоронением, с которым, несомненно, связана большая часть всех погребальных предметов, погребальный инвентарь других покойников выглядит гораздо скромнее. Так, у второго костяка, кроме серебряной диадемы, были золотые лучеобразные серьги, стеклянные подвески, серебряные браслеты, у третьего костяка обнаружены такая же серебряная диадема, золотые лучевидные серьги, золотые и стеклянные бусы. Четвертому, мужскому, костяку принадлежала одна золотая серьга.

Погребение совершено одновременно и представляет собой захоронение госпожи со слугами. Последние имеют определенные социальные позиции, их можно возвести и в ранг дворцовых слуг, домочадцев. Несмотря на их привилегированное, по сравнению с обычными рабами, положение (они прислуживали госпоже и удостоились чести возлечь рядом с ней на погребальном одре), они все же относятся к разряду бесправного сословия. Факт их захоронения с хозяйкой говорит сам за себя.

Совместные погребения хозяина со слугами засвидетельствованы и в могиле № 9, датированной последней четвертью IV в. до н.э. (О.Д. Лордкипанидзе). Захоронение принадлежит знатному воину, который был уложен в вытянутом положении, на спине, головой на север. У его ног, в небрежных позах, в полускорченном положении лежали два костяка, головой на запад, почти без всяких украшений; и под ними находился костяк собаки.

Существование в Колхиде V-IV вв. до н.э. такого жестокого обряда, когда вместе с хозяевами погребали слуг, свидетельствует о слабом развитии рабовладельческих отношений местного общества, которые еще не вышли за пределы патриархальных, что характерно именно для раннеклассового государства.

3. ЭКОНОМИКА КОЛХИДЫ В VI-II вв до н.э.

Сельское хозяйство

В интересующую нас эпоху сельское хозяйство явилось ведущей отраслью материального производства Колхиды и составляло основу её экономики. В нем была занята значительная часть населения. Общинники - землевладельцы производили не только продукты питания, но и сырье для ряда отраслей ремесленного производства, поставляли рабочий скот и пр. Развитию сельского хозяйства, в особенности земледелия, способствовали и природные условия Колхиды. Значительную часть страны занимала Колхидская низменность, относящаяся к области влажных субтропиков. Плодородная почва, мягкий субтропический климат способствовали бурному росту всевозможной растительности. Характерной чертой сельского хозяйства Колхиды являлось то обстоятельство, что земле-

делие, в том числе и виноградарство, а также животноводство и пр. здесь развивалось в лесном окружении, а это накладывало отпечаток и на характер земледелия. Здесь развилось т.н. подсечно-огневое земледелие.

Широкое освоение железа в этом отношении, несомненно, открыло неограниченные возможности, и надо думать, уже в античную эпоху лесные массивы значительно сократились, особенно в равнинных районах и предгорьях Западной Грузии. Это обстоятельство способствовало росту производительности труда, дальнейшему развитию сельского хозяйства, расширению посевных площадей и, вместе с тем, росту народонаселения. Общественное разделение труда, как мы убедились - давно прошедший этап для Колхиды эпохи широкого освоения железа. Ремесло, отделившееся от сельского хозяйства, работало на рынок, торговцы, выделившиеся от ремесленников распространяли изделия по всей Колхиде.

Земледелие

Псевдо-Гиппократ в довольно мрачных тонах рисует климат Колхиды, но он имел в виду лишь наиболее заболоченные части приморской Колхиды, в частности - устье Фасиса. И по Страбону побережье Колхиды у устья Фасиса было болотистым, но, в отличие от Псевдо-Гиппократа, он отмечает богатство Колхиды всевозможными плодами хорошего качества (Strabo, XI, II, 17). В эпоху, близкую Страбону, Колхида была страной с развитым сельским хозяйством; льноводство и коноплеводство, как и во времена Геродота, носили товарный характер.

В сельскохозяйственном отношении были развиты также

предгорные и горные области страны. Прокопий Кесарийский отмечал, что населявшие южные горные районы Колхиды месхи "не страдали от бесплодия", напротив, по его словам, "они изобилуют всякими благами". Местные жители, по его словам, "искусные земледельцы и хорошие для этих мест виноградари" (BG, VII, 3, 25).

Археологическими раскопками "жилых холмов" Колхиды в слоях ранней бронзы - кроме многочисленных сельскохозяйственных орудий, обнаружены хорошо сохранившиеся зерна проса и пшеницы. Среди них выделены следующие разновидности: пленчатая пшеница-"маха", обнкновенная мягкая голозерная пшеница, колхидская полба, пленчатая (В. Менабде). Все эти виды бытуют в Колхиде по сей день. Разведочные шурфы, заложенные вокруг жилого холма, известного под названием "Диха-Гудзуба" - 2, (Т.К. Микеладзе, Д.А. Хахутайшвили) в 1973 году, среди остатков деревянного оружия конца VI в. до н.э. дали зерна злаковых, в частности, проса (гоми). Кроме того, просо в довольно большом количестве обнаружено в культурных слоях Ванского городища, в окрестностях Кутаиси (Нацхвара) и в античном селении Эдери (Сванети) и др.

Прокопий Кесарийский не раз отмечал, что хлеб в Колхиду ввозили (BP, II, 15, 20), а местные жители питались, в основном, просом, которое не могли есть римляне, несмотря на трудность доставки другого провианта (BG, VII, 13).

Техника земледелия в Колхиде античной эпохи была плужно-мотыжной. Железные мотыги представлены различными формами. Железный сошник был обнаружен в культурных слоях III-II вв. до н.э. в окрестностях Диоскурии на горе Гуадику. Он изготовлен из толстого листа железа и состоит из двух частей: широкой

втулки с незамкнутыми краями и плоского заостренного рабочего края. Аналогичные лемехи обнаружены в Сванетии и хранятся в Местийском краеведческом музее. Г.С. Читаия относит сухумскую находку к пахотным орудиям грядильного типа. Сошник такой конструкции не мог подрезать почву горизонтально, скользя по пласту, он лишь разрыхлял её поверхность, не переворачивая пласты. Сошник мог находиться только в горизонтальном положении. Таким образом, колхидские рала, как и вообще пахотные орудия античного мира (за исключением римских), были довольно примитивными.

В Западной Грузии в античных поселениях не обнаружены зерновые ямы. Здесь зерно хранили иначе, так как сухой климат не позволял хранить зерно в земле. Этнографический материал свидетельствует, что для этой цели пользовались плетеными свайными постройками. Нами было высказано предположение о возможности хранения зерна в Колхиде в пифосах, что подтверждается археологическими материалами. Так, в культурных слоях V в. до н.э. селища Симагре (Т.К. Микеладзе) обнаружены фрагменты колхидских пифосов, имевших специальные отверстия у дна и плечиков. Они сделаны до обжига и служили для вентиляции, для предохранения зерна от порчи.

В полеводстве Колхиды большое внимание уделялось льноводству; льну отводилась обширная площадь. Не случайно отмечал Страбон, что Колхида производила много льна и конопли (Strabo, XI, II, 17). Лен является сложной в агротехническом отношении культурой. Еще древние авторы, ученые-агрономы Варрон и др., отмечали, что лен быстро истощал почву, выжигал землю. Исходя из этого, мы предполагаем, что в Колхиде сущест-

вовала определенная система севооборота. Без этого невозможно было бы ведение рационального полеводства (невозможно сеять лен после льна, но льну, так как культура сильно поражается вредителями, и урожаи резко падают).

Другой ценной технологической культурой, возделываемой в Колхиде являлась конопля. Изделия из конопли находили широкое применение в быту древних колхов (греки не возделывали эту культуру). По мнению специалистов, конопля, как сырье для получения длинного и грубого волокна, не имеет себе равных. Из конопли выделывали канаты, веревки, всевозможные снасти, парусину и пр. грубые ткани. Вероятно, все это и имел в виду Страбон, отмечая: "Страна замечательна не только своими плодами, но и всем необходимым для кораблестроения... Жители выделывают много льняного полотна, пеньки"... (Strabo, XI, II, 17). Исследователи с полным основанием предполагают самостоятельное местное происхождение его, так как здесь растут различные породы дикого льна (П.М. Жуковский).

Обнаруженная на Ванском городище трапета (приспособление для отделения мякоти оливы от косточки) полностью подтвердила вероятность разведения в Колхиде культуры оливы. Скорее всего, эта культура здесь распространялась благодаря греческим поселенцам. Специалисты отмечают, что Западная Грузия - неподходящий район для маслин, так как климат слишком влажен (П.М. Жуковский). В письменных источниках сохранились интересные данные, на которые еще не обращали должного внимания. Так, в "Пицундском иадгаре" (1525-1550 гг.) отмечается, что Мамия

Дадзиани пожертвовал пицундскому храму село Аитарх и оливковую рощу. Вакушти Багратиони (XIII в.) неоднократно отмечает наличие оливковых деревьев в западнотурецких провинциях - в Гурии, Абхазии и Самегрело. Немецкий путешественник XVIII в. И. Гюльденштедт видел восточнее Вани, в местечке Багдади (совр. Маяковский), рощу плодоносящих оливковых деревьев.

По нашим данным, в античную эпоху в Колхиде разводили оливу и выделывали оливковое масло, хотя и принято считать, что эта культура не выносила климатических условий севернее Синопы (М.И. Максимова).

Особое место занимало в экономике древних колхов виноградарство - виноделие, имевшее здесь прочные и давние традиции. Акад. П.И. Бавилов основным очагом формирования дикого и культурного винограда считал Закавказье, что находит подтверждение и в археологическом материале (А.М. Негруль, А. Бухочадзе). По этим данным, не соответствует истинные мнение М.М. Жуковского, по которому "древние колонизаторы (Греки - Г.Л.) этого края вводили здесь местный дикий виноград и культуру". Дикий виноград до сих пор сохранился в лесах Колхиды и, несомненно, послужил основой народной селекции. Древние реликтовые формы винограда существуют почти во всех уголках Западной Грузии (М. Рамшвили). К ним относятся и "качичи", остатки виноградных косточек которого были обнаружены в культурных слоях III - II вв. до н.э. в Сухуми (М.М. Трапи).

Животноводство

В письменных источниках сохранилось слишком мало данных, чтобы по ним можно было бы судить об уровне развития животно-

водства в Колхиде. Урартские источники Кулха рисуют страной с весьма развитым скотоводством (Н.В. Арутюнян). Ксенофонт, в самом конце V в., прошедший через историческую территорию Кулха, где еще существовало колхское население, видел у них довольно большое количество крупного рогатого скота; кроме того, жившие в этих краях племена разводили овец, свиней и пр. Животноводство, по нашему мнению, несмотря на его большое экономическое значение, являлось второстепенной отраслью хозяйства. В горных областях географические условия, среда больше способствовали развитию скотоводства, чем земледелия, представленного преимущественно полеводством. Альпийские луга и пастбища позволяли содержать большие стада, что в долинах было невозможно - ведь здесь земля была занята ценными сельскохозяйственными культурами.

К сожалению, мы не располагаем одинаково полными археологическими материалами из обеих частей Колхиды, но, судя по этнографическим данным, в горах издревле сложилось горноскотоводческое хозяйство с четким циклом отгона скота с зимних пастбищ на летние, как в разных регионах, так и в одной и той же области, исходя из вертикально-зонального принципа. Хотя оно тесно связано было с местным земледельческим хозяйством, но в экономическом отношении имело гораздо большее значение, чем это наблюдается в низменных районах страны.

Костные остатки из холмов Колхиды свидетельствуют, что в Колхиде скотоводство издревле носило ярко выраженный оседлый характер. В стаде преобладает крупный рогатый скот. Экономическое значение сельского хозяйства, несомненно, определило такое численное превосходство крупного рогатого скота в стаде. Малый

рогатый скот разводили в незначительном количестве. В отличие от последних, сильно было развито свиноводство.

Как показывают остеологические материалы из культурных слоев селищ и городищ Колхиды (А.Л. Цицишвили), состав стада здесь был прежним и в античную эпоху. Бесспорно, хозяйственный уклад определил состав стада и в интересующую нас эпоху не изменившийся здесь на протяжении многих веков: та же малорослая порода крупного рогатого скота, сильно развитое скотоводство, второстепенное значение мелкого рогатого скота.

Ремесленное производство

Приступая к характеристике ремесленного производства Колхиды античной эпохи, следует прежде всего отметить, что в VIII-VII вв. до н.э. в Колхиде наступает период широкого освоения железа (Р.М. Абрамишвили). С VI в. до н.э. в Колхиде бронзовые орудия производства, боевое оружие заменяются железными изделиями. Массовый переход на железное производство, естественно, требовал соответствующей сырьевой базы, высококвалифицированных мастеров, исключительно занятых в металлургии, и широкую сеть мастерских - кузниц, изготавливающих высококачественные ремесленные изделия из железа. В античную эпоху центрами железного производства по-прежнему являлись бассейны р. Чорохи, Супса-Натанеби, Сванетия, Верхняя Имеретия и пр. (И.А. Гзелишвили, Д.А. Хахутайшвили). Д.А. Хахутайшвили считает, что источником руды для древних металлургов Юго-Восточного Причерноморья служили залежи магнетитного песка, который доставлялся с побережья в обогащенном виде ближе к топливу и огнеупорным глинам, имевшимся в избытке в предгорьях. Изготовленные таким образом стали и высококачественное железо у

греков были известны под названием одного из грузинских племен халибов.

Именно в кузницах, исходя из этнографических данных, изготовлялся весь разнообразный ассортимент железных орудий производства и боевого оружия. Крупные специализированные мастерские, вероятно, существовали как в приморских, так и во внутренних городах древней Колхиды.

Металлургия и обработка металлов, и особенно ювелирное дело, в античную эпоху достигают высокого уровня; совершенствуется технология златокузнечества, спрос на драгоценные изделия, судя по богатым погребениям V-IV вв. до н.э. (Вани, Геби, Шромисубани и пр.), в среде представителей высших слоев общества был значительным. Большим разнообразием отличаются местные золотные и серебряные изделия. Мастера, создавая высокохудожественные произведения ювелирного искусства, применяли сложную технику обработки драгоценных металлов. Значительная часть этих изделий в типологическом отношении характерна лишь для Колхиды, за пределами Грузии они не встречаются. Для колхидских ювелирных изделий V-IV вв. до н.э. характерно обильное применение зерни. Как считает О.Д. Лордкипанидзе, в Колхиде произошла переработка древневосточных художественных навыков и традиций в соответствии с местными вкусами и потребностями. В Колхиде существовала высокохудожественная самобытная школа златокузнечества (О.Д. Лордкипанидзе). В городах Колхиды существовали крупные ювелирные мастерские, где работали мастера, не уступающие по квалификации ювелирам Ближнего Востока, Греции и пр. Наличие таких мастерских предполагается и в Вани (О.Д. Лордкипанидзе, А.Н. Чкония).

На массового потребителя, представителей средних и низших слоев, были рассчитаны сравнительно дешевые украшения из бронзы, железа, реже из серебра. Археологические данные свидетельствуют, что с IY в. до н.э. их производство принимает массовый характер, стереотипные украшения: браслеты с разомкнутыми концами и вогнутой спинкой, височные кольца и серьги, гривны с крючковидными концами распространяются по всей Колхиде, в том числе и в горных областях. Эти стандартные типы украшений особенно хорошо представлены в кувшинных погребениях IY-II вв. до н.э.

В это время в местных мастерских начинают выпускать и перстни-печатки (М.Н. Лордкипанидзе), использовавшиеся как в качестве украшений, так и по прямому назначению. Такая дифференциация ремесленной продукции, в данном случае украшений, характерна именно для классового общества.

Вместе с развитием экономики, сельского хозяйства развивалось и традиционное для Колхиды гончарное ремесло; судя по широкому применению гончарного круга, его продукция бесспорно носила товарный характер. Гончарный круг трудно представить себе без гончара-профессионала, и поэтому его появление обычно относят к разряду важного признака наличия в том или ином обществе товарного производства и классовых отношений. В Колхиде VI-IY вв. до н.э. была распространена единая по своим типам и технологиям керамика (О.Д. Лордкипанидзе, Т.К. Микеладзе), для которой характерны черный или черно-серый обжиг, волнистый и гребенчатый орнамент, сравнительно широкое применение штампов для украшения и пр. Среди их многочисленной продукции выделяются функционально строго дифференцированные сосуды; пифосы разных размеров, кувшинчики с биконическим туловом и трубчатой ручкой-сливом, разнообразные бокалы, стаканчики, плоскодонные чаши

с округлыми стенками и вогнутым внутрь венчиком и др. В эллинистическую эпоху колхская керамика подвергается сильному влиянию эллинистического мира, появляются новые формы, подражающие греческим сосудам (рыбные блюда, канфары, миски и чаши с кольцеобразным поддоном, ойнохой и пр.). Как отмечают исследователи, все же прослеживается связь новых форм с керамикой предшествующей эпохи (Н.Н. Матиашвили). С раннеэллинистического времени начинается и местное производство амфор, обусловленное возросшей потребностью в транзитной таре. С этой эпохой связано и широкое производство строительных керамических материалов, в частности черепицы. Это обстоятельство должно было вызвать и соответствующие изменения в местной строительной технике. Черепица в эллинистической Колхиде распространяется и в сельских местах, что свидетельствует о высоком социально-экономическом развитии страны.

К высокоразвитым отраслям ремесленного производства Колхиды необходимо отнести и ткачество, продукция которого довольно рано приобрела товарный характер и, вместе с тем, славу на мировом рынке. В античной Колхиде с местной традиционной техникой, горизонтальным ткацким станком, распространяется и вертикальный, греческий.

Мы еще не располагаем настолько полными данными, чтобы осветить все отрасли ремесленного производства Колхиды. Все же существующие археологические источники указывают на дифференцированную, разветвленную структуру ремесленного производства, охватывающую своей продукцией всю страну.

Торговля

Как известно, разделение труда еще в бронзовом веке способствовало, со своей стороны, расширению обмена; регулярный обмен, систематическая торговля не могут существовать без наличия регулярно производимого прибавочного продукта. Археологический материал показывает, что торговля в Колхиде уже со второй половины II тысячелетия вышла за пределы простого межплеменного обмена; в это время, вероятно, и складывается общеколхский внутренний рынок. Этим можно объяснить и формирование на территории Западного Закавказья яркой и своеобразной, единой в основных элементах, так называемой "колхской культуры" (О.М. Джапаридзе).

Без всякого сомнения, большую роль в развитии внешней торговли страны сыграли возникшие в VI в. до н.э. на побережье Колхиды греческие поселения. Необходимо подчеркнуть, что в этот период Колхида уже не была для греческого мира первобытной периферией, хотя, несомненно, существовало определенное различие в уровнях их развития. Для Греции это — эпоха расцвета рабовладельческой формации, достигшей высшей формы государственности, а для Колхиды — лишь период становления раннеклассового общества, основанного на эксплуатации непосредственных производителей, владеющих средствами производства, в том числе — землей, и объединенных в многочисленные сельские общины. Такое несоответствие, должно быть, давало грекам возможность получать наибольшую выгоду в торговле с колхами, чем и стимулировалось возникновение постоянных греческих поселений. Греков прежде всего должны были интересовать рынок для сбыта и дешевое сырье, строительный лес, технические культуры и пр. Правящая верхушка, заин-

тересованная в торговле с греками, как мы убедились, с большой охотой закупает предметы роскоши, дорогую греческую утварь, металлическую и керамическую посуду, благовония, драгоценности и пр. Показателен в этом отношении факт раннего распространения в Вани (VI в. до н.э.) золотых перстней-инталы, резных камней, служивших печатями (М.Н. Лордкипанидзе), изготовленных в ионийских мастерских. М.Н. Лордкипанидзе среди них выделяет правовые печати-инсигнии, личные печати, ставшие необходимыми в повседневном домашнем быту, и пр.

Уже в VI в. до н.э. во внутренние районы Колхиды поступают греческие ремесленные изделия. Ввоз греческой керамики еще больше расширяется в эллинистическую эпоху, она проникает и в довольно отдаленные сельские общины, горные области.

В Западной Грузии представлена и керамическая тара различных греко-ионийских центров — Хиоса, Милета, Лесбоса и др., которыми в приморские города Колхиды доставлялись вино, оливковое масло и другие сельскохозяйственные продукты, потребителями которых, по-видимому, кроме греков-поселенцев, являлись и представители местной знати.

В Ванском городище амфоры Хиоса, известного своими винами, представлены в слоях V в. до н.э. сравнительно незначительными фрагментами. Количество импортной тары, безусловно, связанное с расширением поставок вин, оливкового масла и пр., резко возрастает с IV в. до н.э. Кроме Хиоса, здесь обнаружена тара Фасоса, Синопы; в III-II вв. до н.э. появляются родосские, фасосские, киадские и др. амфоры (Р.В. Путуридзе). Аналогичная картина наблюдается на сельскохозяйственной территории Ванского городища, в Дапнари, Даблагоми и пр. Из Колхиды греки традиционно вывозили

разнообразные льняные и конопляные изделия, строительный лес, мед, воск, смолу и др. Как свидетельствуют археологические и, в особенности, нумизматические материалы, особую роль в экономике Колхиды в I-V вв. до н.э. играет Синопа (И.Б. Брашинский). Определенные торговые контакты существуют и с Северным Причерноморьем, особенно с городами Боспорского царства, куда вывозятся колхские ремесленные изделия и сельскохозяйственные продукты.

Расширение масштабов торговли еще больше углубляло социальную дифференциацию. В эллинистическую эпоху этот процесс затронул и широкие слои общинников, часть которых тесно оказалась связанной с торгово-денежными отношениями страны. Возрастание объема торговли, вероятно, со своей стороны способствовало усилению эксплуатации широких слоев населения, непосредственных производителей материальных благ.

Домонетные формы денег и денежное обращение древней Колхиды

Высокий уровень товарно-денежных отношений Колхиды античной эпохи подтверждают и нумизматические находки из Западной Грузии. Но прежде чем рассмотреть монеты, обнаруженные на территории Колхиды, необходимо исследовать проблему домонетных денег.

Домонетные формы денег древней Колхиды еще не становились предметом специального исследования, не выяснены причины столь раннего для всего Закавказья возникновения местного чекана и образования здесь замкнутого денежного рынка в VI-IV вв. до н.э. Без разработки данных проблем невозможно полно осветить весь сложный процесс становления колхского раннеклассового общества.

Характерными для Колхиды позднебронзовой эпохи являются многочисленные "клады торговцев" и "клады литейщиков", которые,

и в первом, и во втором случае, несомненно, служили предметом накопления богатства. Находят эти клады по ущельям, у торговых дорог. Аналогичная картина характерна и для других регионов мира, и вряд ли было бы правильным объяснять этот процесс образования кладов только лишь возросшими военными опасностями.

На данной стадии социально-экономического развития, в эпоху поздней бронзы, в Колхиде появляются и всеобщие эквиваленты товаров, ценностей, т.е. домонетные формы денег. Как отмечают классики марксизма-ленинизма, "денежный кристалл" является необходимым продуктом процесса обмена. "Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал её к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форме денег" (К. Маркс).

Но о каком виде товаров она срастается, это уже дело случая (К. Маркс). Здесь уже играют роль полезность вещи в качестве потребительной стоимости и другие факторы. Например, такими мерами стоимости у разных народов выступали металлические пластинки, слитки, прутья, вертела, оружие: секиры, топоры, стрелы и пр., украшения: гривны, браслеты и др. (P. Binzig). Как предполагают, еще со времен Ж. де Моргана в Закавказье всеобщим эквивалентом служили бронзовые кольца - "ножные браслеты". В Западной Грузии подобные "кольца" встречаются сравнительно редко. К тому же при определении назначения "колец" в каждом конкретном случае необходима большая тщательность, так как некоторые из них в действительности являлись только лишь

"ножными браслетами". Определенно к эквивалентам ценностей можно отнести всего лишь несколько колец, найденных в позднебронзовых кладках Колхиды. Прежде всего это гравированное бронзовое кольцо из квишарского клада. Весит это исключительно крупное кольцо 2,728 кг. Сравнительно меньше весят браслеты из пересского (1,075) и Окуршеского кладов.

Можно заметить, что все эти находки, в основном, зафиксированы на стыках различных культур, а в центральных областях Колхиды почти не встречаются. Здесь, как нам представляется, в качестве "товара товаров" служили иного типа ремесленные изделия - своеобразные пластинковые слитки сегментовидной формы, так называемые - "сегментовидные орудия". Их функции, до сих пор точно не определенные, вызывают разногласия со дня их поступления в научный оборот (Е.А. Пахомов, А.А. Иессен, Б.А. Куфтин, М.М. Иващенко, Г.К. Ниорадзе, Н.В. Трубникова, Е.И. Крушнов, Н.В. Хоштария, Д.Л. Коридзе, Г.С. Читаиа, О.С. Гамбашидзе, Л.С. Сахарова, А.Т. Рамишвили).

Сегменты разделены нами на три основные группы, по весу и размером (1. 260-200 гр.; 2. 160-100 гр.; 3. 100-50 гр.). Но не во всех случаях удается провести резкую, четкую грань между "сегментами" второй и третьей группы. Не удается определить и весовой системы. Вероятно, их номинальная стоимость практически определялась на глаз, значительно проще, чем мы представляем, а не взвешиванием в каждом конкретном случае. Теоретически, количеством предметов, изготавливаемых из данных "пластинчатых слитков", и определялась, по-видимому, их практическая ценность в качестве "товара товаров".

Принято считать, что "сегментовидные орудия" появляются

в XIV в. до н.э. и в составах кладов встречаются по III-IV вв. до н.э. (Д.Л. Коридзе); новейшие археологические изыскания показывают, что они бытуют до конца VI в. до н.э. (М.В. Барамидзе). Более того, они, как и другие характерные для материальной культуры Колхиды орудия, в это время заменяются железными изделиями, но, уже в отличие от бронзовых, "железные сегменты" исчезают к V в. до н.э.

"Сегменты" явно потеряли свое значение. Скорее всего, они к этому времени вышли из обращения в качестве меновой единицы, так как были заменены более прогрессивной формой денег - монетами. Именно на конец VI в. до н.э. падает дата выпуска серебряных монет - "колхидок". Как хорошо доказано, с развитием богатства того или иного общества менее благородный металл вытесняется в своей функции меры стоимости более благородным металлом (Ф. Энгельс). Так произошло и в древней Колхиде. Небезынтересно отметить, что территория распространения "сегментов" в основном совпадает с ареалом "колхидок".

По Ф. Энгельсу, введение и распространение металлических денег в стране, в которой до того исключительно или преимущественно велось натуральное хозяйство, всегда соединено с преобразованием прежнего распределения материальных благ; следствием этого является усилившийся процесс неравенства между отдельными лицами, между богатыми и бедными. А принуждать бедных, преобладающую часть общества, к систематической работе в пользу меньшинства, т.е. богатых, было невозможно без постоянного аппарата принуждения (В.И. Ленин). Поэтому в данном конкретном случае не имеет столь существенного значения вопрос, кем выпускались "колхидки", местной царской властью или греческими колонистами.

тами в Фасисе. Суть заключается в том, что раннеклассовое по своему характеру колхское общество всем своим ходом исторического развития было подготовлено к такой замене. "Колхидки" в большом количестве обращались в наиболее развитых в экономическом отношении районах Колхиды, оставаясь главным средством платежа на протяжении двух с лишним столетий. Без всякого сомнения, выпускались они исключительно для нужд внутреннего рынка страны, где, как и в Синдике, Фракии и др., государство возникает в конце VI в. и в начале V в. до н.э.

В приморских районах Колхиды, в отличие от внутренних областей, наблюдается большая пестрота в денежном обращении. Например, в погребениях, кладках и культурных слоях Пичвнарского городища обнаружены как "колхидки", так и "кизикины" — интерлокальные электроновые монеты VI—IV вв. до н.э., серебряные синопские драхмы V—IV вв. до н.э., пантикапейская драхма (V в. до н.э.), серебряный диобол Нимфея (V в. до н.э.), ранняя монета Амиса и пр. В непосредственной близости от Пичвнари обнаружены золотая монета Пантикапея, серебряная афинская тетрадрахма т.н. старого стиля и пр. (А.Ю. Кахидзе).

О характере внутреннего обращения страны ясное представление дают нам монеты из Ванского городища. Здесь обнаружены "колхидки", золотые статеры: Филиппа II, Александра Македонского, Лисимаха, Афин, римские республиканские денары, митридатовские серии и пр. Монеты из Вани являются по существу единственным комплексом интересующего нас времени, связанным с местным поселением, колхским городом, поэтому они и отражают разнообразие денежного обращения всей страны.

Считаем необходимым отметить неоднократные находки кол-

хидок-гемидрахм обычного типа как в Вани, так и в его сельскохозяйственной округе. Они являются господствующим чеканом предэллинистической эпохи и обнаружены в погребениях Ванского городища IV—III вв. до н.э. (погр. № 2, 10). Как уже отмечалось, с конца VI в. до IV в. до н.э. основной состав денежного обращения в Колхиде определялся именно "колхидками". По неполным данным, известно более 5000 этих монет и свыше 40 кладов (Д.Г. Капанадзе, К.В. Голенко); они, бесспорно, представляют собой одну из самых многочисленных категорий локального античного чекана. К сожалению, "колхидки" недостаточно изучены и во многих отношениях еще остаются загадочными (Г.Ф. Дундуа, А.И. Болтунова). В качестве интерлокальных монет в Колхиде VI—V вв. до н.э. пользовались самосскими статерами и кизикинами. Мы еще не можем найти объяснения тому факту, что в Колхиде совершенно отсутствуют ахеменидские золотые и серебряные монеты. В целом нумизматические данные красноречиво говорят о направлении экономических интересов страны, о связях с греческим миром.

В этом аспекте из более поздних монет необходимо обратить внимание на статер Александра Великого, найденный в окрестностях Ванского городища в 1963 г. Монета чеканена в Синопе в 290—220 годах до н.э. (определение по Et. Newell).

Синопское происхождение ванского статера необходимо принимать во внимание и при решении весьма важного для экономической истории Колхиды вопроса — поступало ли александровское золото в Колхиду из внутреннего Закавказья или непосредственно с малоазийского побережья Черного моря. Об особой роли Синопы в экономике Колхиды мы уже говорили, а сейчас еще раз считаем нужным констатировать факты, подтверждающие значение этого центра в денежном обращении страны. Синопские полудрахмы IV—III

ви. до н.э. обнаружены в Пичвиари, Эмери, Даниари, Сванети и др. (Г.Ф. Дундуа).

В Колхиде и в Синопе в эллинистическую эпоху пользовались аттической весовой системой (М.М. Максимова), благодаря экономической политике Александра Македонского снова утвердившейся в античном мире. С конца IV в. до н.э. аттическая денежно-весовая система устанавливается в Армении (Х.А. Мушегян). В III в. до н.э. на аттическую весовую систему перешли и на Боспоре (Д.Б. Шелов). Массовый приток александровских и лисимаховских статеров вызвал прекращение золотого чекана на Боспоре, так как не было возможности соперничать со сравнительно дешевым золотом Александра Македонского. Для нужд внутреннего рынка хотя и выпускали серебряные и медные монеты, но они быстро обесценивались. В III в. до н.э. здесь наступает денежный кризис, причиной которого принято считать переход валютного металла от местного серебра к привозному золоту (П.О. Карышковский). По-видимому, аналогичный кризис имел место и в Колхиде. После притока извне золотых статеров Александра и Лисимаха (К.В. Голенко, Д.Г. Капанадзе) внутренний рынок уже не принимал "колхидок". К этому времени, судя по поздним сериям, заметно ухудшилась проба серебра. Не исключено, что увеличение количества меди в "колхидках" было преднамеренным, и это окончательно подорвало к ним доверие широких кругов населения. Они были обесценены, и со второй половины III в. до н.э. их уже не встречаем в обращении. После прекращения чекана "колхидок" внутренний рынок фактически остался без разменных монет, без монет, которые можно было использовать при повседневных мелких сделках. Эта сторона экономической жизни Колхиды нам со-

вершенно неизвестна, поэтому преувеличивать уровень товарно-денежных отношений в стране нельзя. После прекращения их чекана должен был образоваться вакуум, который, кстати, так и не был заполнен какими-либо другими монетами, хотя в стране распространились золотые статоры Александра и Лисимаха, а потом их местные подражания. Кстати, на Ванском городище представлены все виды этих монет. Большинство из обнаруженных в Западной Грузии статоров Александра Македонского чеканены в первые годы его правления в различных монетных дворах Македонии, Греции, Фракии и др. В Грузии зарегистрировано 373 статора Александра Македонского, из которых 372 приходится на Западную Грузию, в том числе на Сванети 366 экземпляров; лисимаховские статоры представлены всего 6 экземплярами (Г.Ф. Дундуа). Кроме того, в Западной Грузии обнаружены и серебряные монеты Александра и Лисимаха. К сожалению, монеты Лисимаха из старых дореволюционных находок Вани не были определены, но все же заслуживает внимания факт их обращения наряду с золотом фракийского царя. Как известно, особенно широко распространились они с III в. до н.э., превратившись в специфическую торговую монету Причерноморья (А.П. Бограф). В большом количестве чеканились они на монетном дворе Византии, несколько таких монет обнаружено и в Западной Грузии. Все это вместе взятое говорит о тесных экономических связях Колхиды именно с греческими торговыми центрами.

Факт появления подражания золотым статорам нельзя осмыслить как стремление правителей Колхиды вести конкуренцию с подлинными монетами Лисимаха. Это было экономически невозможно. Как мы убедились на примере Боспора, там вовсе прекратился

чекан местных золотых монет из-за невозможности конкуренции с привозными, сравнительно дешевыми монетами. Их появление было вызвано, скорее всего, нехваткой на внутренних рынках полнорейных монет. Некоторые исследователи считают, что этот факт, появление золотых подражаний – можно расценивать как определенные экономико-финансовые мероприятия колхидской центральной власти, направленные к ограничению обращения иноземных монет на внутриколхидском рынке. Рассмотренный нами фактический материал не подтверждает и даже не позволяет предположить наличие такой экономической политики.

Банские материалы, как и следовало ожидать, подтверждают, во-первых, сравнительно большую степень развития товарно-денежных отношений в эллинистический период в Колхиде, чем в соседней Иберии, Армении и Албании; во-вторых, эти монеты со всей очевидностью указывают на большое экономическое влияние страны к развитым областям Южного и Северного Причерноморья и внутренним районам Малой Азии, чем внутренним районам Закавказья.

Монеты II-I вв. до н.э. еще раз позволяют конкретизировать направление этих связей – малоазийские области Причерноморья. Эти связи были настолько традиционными, коммуникация настолько налаженной, что это хорошо прослеживается и по более поздним нумизматическим материалам. В римское время в Западной Грузии обращаются драхмы Птолемея II Понтийского, серебро Кесарии Каппадокийской, городская медь Трапезунта. Западная Грузия – единственная область Закавказья, где получило широкое распространение и византийское золото V-VII вв. н.э. (К.В. Голенко).

4. ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Проблемы, связанные с идеологией и культурой древней Колхиды, исследованы недостаточно. Анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что в пантеоне Колхских божеств одно из ведущих мест занимали божества плодородия, связанные с культом Земли и Неба. Аполлоний Родосский (III в. до н.э.) как бы подчеркивает их равное положение, Гея и Урана, в иерархии местных божеств. По языческому календарю, сохранившемуся частично, воскресенье считалось днем солнца, четверг днем неба. В Сванети в воскресенье – в "День Солнца" – обязательно почиталось божество земли, известное под именем Аи. Аи – местное колхское божество земли и земледелия, почитаемое под таким же именем у урартов (Т.К. Микеладзе).

Вероятно, по колхским верованиям Гея – Мать-Земли – считалась родоначальницей всего живого, а Небо выступало как мужское начало, оплодотворяющее землю. С этим должно быть связано и изображение орла-человека на чернолощенном сосуде из курьинского погребения Дашнари IV-III вв. до н.э. Характерной чертой данного антропоморфного существа с человеческим телом, мощными крыльями и орлиной головой является фаллос. Аналогичное изображение встречается в древневосточных религиях. К V в. до н.э. относится рельеф и изображение орла-человека из Гордисона (Фригия). Обычно такие орлы мыслятся в роли "духов", "демонов", слуг верховных божеств плодородия (S.C. Contenau). В отличие от них, "Орел-человек" из Дашнари является иконографическим образом одного из верховных божеств Колхиды, владыки неба, оплодотворяющим землю. В связи с этим важное значение приобретают этнографические данные, по которым в весенних языческих праздни-

никах из прикла "Берикаоба", "Кееноба", посвященным культам плодородия, принимает участие персонаж "Орел-человек" (Д. Джанелидзе).

Существование подземных и небесных культов хорошо подтверждается и по археологическим материалам Ванского городища.

С подземными, хтоническими культами надо связать и т.н. "круглый храм", III-II вв. до н.э., раскопанный у северо-восточного края центральной террасы Ванского городища. В развалинах храма обнаружен фрагмент жертвенной плиты со специфическим сливом для крови жертвенных животных. Алтари такого типа, посвященные хтоническим божествам, обычно клались непосредственно на землю. Алтарь-жертвенник показывает, что в данном помещении происходили кровавые жертвоприношения. В таком случае здесь скорее всего мог находиться столь характерный для эллинистического мира церемониальный так называемый "большой алтарь", посвященный подземным богам. Круглые в плане "большие алтари" эллинистической эпохи, посвященные подземным богам (Деметра, Кора-Персефона и пр.), раскопаны в Лаконике, на Делосе и пр.

На вершине Ванского акрополя выявлены развалины прямоугольного в плане храма и связанного с ним семиступенчатого церемониального алтаря, датированного IV-III вв. до н.э. Алтарь воздвигнут у средней части 15-метровой восточной стены храма. Число ступеней было нечетным, и это было определено канонически; вступление на верхнюю площадку правой ногой должно было считаться добрым предзнаменованием. Не исключено, что число семь-количество ступеней предхрамового, церемониального алтаря - являлось священной цифрой почитаемого здесь божества.

Ванский ступенчатый алтарь, посвященный небесным богам,

предназначался для сожжения отборных частей жертвенных животных.

В 20 м к юго-востоку от ступенчатого алтаря расположен четырехугольный квадратный алтарь III-II вв. до н.э. Поверхность алтаря предназначалась для жертвенного костра. Рядом были обнаружены два пифоса, служившие, по-видимому, для обетного вина. Судя по этнографическим материалам, пифосы играли важную роль в обрядах, связанных с культами плодородия. Они сами часто служили в качестве своеобразных жертвенников и считались священным, наиболее приближенным к божествам местом, где происходил мнимый контакт с ними. На большое значение пифосов в религиозных верованиях колхов указывает факт их широкого использования для погребальных целей. Кроме знаков мастеров, на пифосах встречаются изображения фантастических, реально существующих животных, птиц (лошади, оленя, собаки-волка, петуха) и др. существ, имевших определенное отношение к хтоническим и пр. культам.

В южной части центральной террасы акрополя в Вани расположен прямоугольный в плане храм, типа мегарона, который имел квадратный цоколь, сырцовые стены, мозаичный пол и черепичное перекрытие. В храме стоял монолитный цилиндрический алтарь, предназначенный для воскурений благовоний и бескровных жертв. Аналогичные алтари широко распространены в греко-эллинистическом мире. В Приене они связаны с так называемыми восточными, или египетскими богами. В восточной части храма было выявлено около 40 раздавленных колхских амфор, ближе к алтарю лежал пифос. Они являлись подношением обетного вина, а храм представлял собой священное винохранилище - марани. (О.Д. Лордкипанидзе).

С культом Диониса связан "скальный алтарь", раскопанный

ние крепостной стены в 3 м к северо-западу от нее, у основания скалы. Алтарь в плане четырехугольный; западной стеной его частично служит скала, а остальные выложены из квадров. "Скальные", или "земляные" алтари интересующего нас времени засвидетельствованы в Малой Азии и посвящены, как правило, хтоническим божествам (С.С. Yavis). Посвященные божествам плодородия алтари, установленные непосредственно на земле, в Западной Грузии известны с эпохи поздней бронзы (А.Т. Рамшвили).

Археологическими раскопками на небольшой площади между скальным алтарем и крепостными воротами обнаружено свыше 40 моделей колхских пифосов и терракотовая маска Диониса, связанные с весенним праздником в честь Диониса. Эти находки не оставляют никакого сомнения в том, что и данный алтарь, напоминающий давилню для винограда, был посвящен Дионису.

У входа в акрополь, перед крепостными воротами и калиткой, возвышалась скульптура (герма?) покровительницы города, от которой сохранился лишь мраморный пьедестал. Паломничество на акрополь было настолько интенсивным, что каменный порог плитчатой мостовой у городских ворот оказался значительно стерт. Все это удивительным образом совпадает с картиной абстрактных ворот, воссозданных Луизицем:

" И мостовую дорог, мощенную камнями, видим

Стертой ногами толпы, и правые руки у статуи

Бронзовых возле ворст городских постепенно хudeют

От припадения к ним проходящего мимо народа".

(О природе вещей, I, 315-318).

Рядом с пьедесталом на стене выцарапана надпись - каноническая формула - "Молю, о Владычица", датированная Т.С.Кауччи-

вили IV-III вв. до н.э. Весьма интересен эпитет богини - *Αρχαία* - Владычица, Повелительница, Хозяйка - основной эпитет Деметры - богини плодородия, покровительницы растительного царства, преимущественно хлебных злаков. Ее нередко называли "Мать-Земля", и в эллинистическую эпоху Деметра слилась с культом Матери-Земли (А.Ф. Лосев). Поэтому не исключено, что под "Анасса" граффити скрывается колхское божество "Мать-Земля", Гея греческих источников. В этом убеждает нас и то обстоятельство, что в маленьком, привратном храме, устроенном у калитки, посвященная богине керамика, разложенная на земле, - исключительно колхского производства. В амфорах оказалось просо, которому и по этнографическим данным в ритуалах, посвященных культу плодородия, отводится важная роль (В.В. Бардавелидзе).

Как известно, Деметра и Дионис, божества плодородия и земледелия, в античном мире мыслились как полирная связь противоположных начал, связь подземных и надземных природных сил. В греческих мифах Дионис и Деметра выступают как супружеская пара. По другим версиям, Дионис - сын Зевса и Деметры, или же ее дочери Коры-Персефоны. Так это мыслилось в элевсинских мистериях, их совместный культ существовал во многих уголках греческого мира (Р. Foucart, А.Ф. Лосев, В. Иванов). Дионис также считался богом умирающей и возрождающейся природы. Диониса пьяного четвертовали Титаны, и он был воскрешен Великой матерью богов, Ре-ей. К этому кругу умирающих и воскресающих богов, олицетворявших плодородие природы, надо отнести и железную итифаллическую 30-сантиметровую железную скульптуру с золотыми украшениями из погребения № I Ванского городища, датированного III в. до н.э. (Н.В. Коштария).

Таким образом, археологические и письменные источники свидетельствуют, что религия Колхиды интересующего нас времени носила политеистический характер, в иерархии колхских божеств ведущее место занимали культы плодородия, ярко выраженного земледельческого характера. В эллинистическое время сильному греческому влиянию подвергается и идеологическая сфера, частично изменяются погребальные обряды — самая консервативная часть религиозных верований. В могилах появляются монеты в качестве оболов Харона, что проливает свет и на колхские представления о загробном мире в целом.

Со своей стороны, колхские религиозные верования также влияли на греческие культы. По крайней мере, в эпоху Павсания еще существовала традиция, по которой культ Афины Азиатской был принесен в Грецию Диоскурами, то же самое можно сказать об Аресе Терейте.

Очагами синкретизма, несомненно, являлись приморские города Колхиды. По письменным и археологическим источникам, в городе Фасисе почитались Аполлон, Фасис, Великая мать богов и др.

Серебряная пиала, явно из храмовой утвари, датированная по надписи на ней концом V — началом IV в. до н.э., была обнаружена еще в прошлом веке на Кубани в одном из сарматских курганов I в. до н.э. На север пиала попала, очевидно, в результате нападения на Фасис сарматских племен (М.И. Ростовцев), что могло иметь место во время походов Фарнака в середине I в. до н.э. Надпись на пиале гласит: "Я принадлежу Аполлону Гегемону, что в Фасисе".

Данный эпитет Аполлона засвидетельствован с классического времени и осмысливается как предводитель, "Водитель войска"

(G. Müller). Аполлон и в условиях Колхиды греческими поселенцами мыслился как покровитель города и переселенцев, Водителем полиса, возглавлявшим процесс переселения.

Аполлон в местной среде вполне мог ассоциироваться и с колхским божеством Солнца. Этим можно объяснить появление новых, неизвестных по другим памятникам, элементов в атрибутах Аполлона. На фасисской чаше изображены 13 головок оленей. Олень, известный еще по многочисленным изображениям в колхской позднебронзовой культуре, связан с астральными культами. Число 13 также не связано с традиционной символикой Аполлона, священной цифрой которого являлось "семь". В эллинистическую эпоху Аполлон прямо назывался Гелием, на него были перенесены все функции древнего бога Солнца, и даже Аиэта и Кирку стали называть потомками Аполлона (А.Ф. Лосев). По античной традиции, царь Колхиды Аиэт был сыном лучезарного Гелия. У Аполлония Родосского есть такая фраза "Он (Аиэт — Г.Л.) утверждает, что является сыном Гелия" (Arg., II, 1204); представляется возможным уловить здесь элемент инвеституры — наделения божеством властью царя. Культ царя, характерный для эллинистических религий (В. Тарн), засвидетельствован и в соседней Армении (Г.Х. Саркисян).

Если это так, то станет понятным, почему Аристарх, правитель Колхиды, изображен в лучевой короне; кстати, последнее обстоятельство заставило некоторых исследователей усмотреть здесь изображение Гелия (D.M. Lang). В лучевой короне изображен и басилевс Саулак на серебряной монете, чекан которой пумизматы (К.В. Голенко, Д.Г. Капанадзе) связывают с Колхидой. Плиний Старший также называет его потомком Аиэта.

Арриан, посетивший Фасис в 137 г. н.э. ничего не говорит

о осуществлении там культа Аполлона. Исходя из этого, принято считать, что культ Аполлона здесь не смог просуществовать долго и уступил место колхской богине, названной Аррианом Фасианской богиней. Но этому противоречит тот факт, что в грузинских письменных источниках неоднократно упоминается "нечестивый" Аполлон, с которым христианство ведет неустанную борьбу (Картлис Цховреба, I, В-25).

Исследователи единодушны в том, что "Фасианская богиня" являлась колхским божеством - "Великой матерью богов", покровительницей зверей и пр. К тому же она была тесно связана с солнечным культом, так как долевые божества Солнца были её детьми (В.В. Бардавалидзе).

Сыном Гелия и дочери Океана, по колхской мифологии, сохранившейся в отрывках у греческих авторов, являлось и речное божество Фасис, который, несомненно, должен был почитаться в одноименном городе, как в местной, так и греческой среде. Божества, связанные с культом воды, также занимали важное место в религиозных верованиях древних колхов (Т.К. Микеладзе).

К слабо изученным проблемам, связанным с античной Колхидой, относятся и вопросы культуры. Мы, за отсутствием источников, затрагиваем лишь один, но весьма важный раздел - письменность.

Вместе с отдельными элементами греческой культуры в Колхиде довольно рано, уже с первой половины V в. до н.э., распространяется греческая письменность. Так, в богатом погребении Итхвиси обнаружена чернолаковая чаша на высокой ножке, датированная 70-ми годами V в. до н.э. На ней выцаралано имя владельца **ΜΕΤΟΣ**, не засвидетельствованное в греческом мире. Кроме того, здесь же на местном кубшинчике обнаружена монограмма, передающая это же имя

(Ю.М. Гагошидзе). Греческое граффито имеется и на чернолаковом килике первой половины V в. до н.э. из разграбленного в древности погребения № 8 в Вани. В эллинистическую эпоху греческая письменность распространяется еще шире и, как свидетельствуют граффиты из Ванского городища, охватывает и средние слои городского населения. Судя по монетам, государственным языком Колхидского царства являлся греческий.

Как мы могли убедиться, культурное влияние греческого мира на Колхиду в интересующее нас время было довольно значительным, что отразилось как на духовной, так и на материальной культуре колхов. Но, несмотря на это, оно не затронуло глубин мировоззрения, местные культурные традиции на протяжении веков оставались ведущими. В этом проявилось и своеобразие всей культуры древней Колхиды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев узловые вопросы истории древней Колхиды, проанализировав письменные и археологические источники, мы попытались воссоздать общую картину социально-экономического развития страны в VI-II вв. до н.э.

Классовое общество в Колхиде возникло на определенном этапе социально-экономического развития, постепенно, без всякого вмешательства извне, на местной основе развития производительных сил и производственных отношений, путем естественного разложения родового строя, первобытнообщинных отношений.

Анализ приведенных нами археологических материалов позволяет утверждать, что на территории Западной Грузии классовое общество, государство возникает в VI-V вв. до н.э. Археологический матери-

ал подтверждает свидетельства древних авторов, указывающие на пострый родоплеменной состав населения страны. Отдельные племена, особенно в северо-западных и юго-западных горных областях, находились на различных ступенях социально-экономического развития; наиболее развитыми в социально-экономическом отношении являлись низменные районы и предгорья Центральной Колхиды, которая была густо заселена. Государство имело ярко выраженный раннеклассовый характер, еще очень сильны были родовые пережитки, что отразилось и на делении страны на скептухий, возникшие на основе доклассовых территориально-племенных единиц. Царской властью на них были возложены новые административные, военные и финансовые функции (М.П. Инадзе). Они не могли, действительно, являться прочной опорой Колхидского царства.

Как указывал В.И. Ленин, государство на длительном пути своего развития частично преобразовало органы родового строя, частично вытеснило их и заменило новыми органами.

У древних греко-римских авторов (Ксенофонт, Страбон, Плиний) сохранилась довольно устойчивая традиция, скорее всего - отражение реального положения дел, по которой в интересующую нас эпоху Колхидой правят цари - потомки Аиэта.

Рассмотренный нами археологический материал свидетельствует, что в конце VI-V в. до н.э. в Колхиде существуют крупные города, где сосредоточена знать, ремесленники, купцы, военно-административный аппарат. Вероятно, каждая скептухия, военно-административная единица, имела свои политико-экономические и религиозные центры, куда стекалась дань, собранная с населения. Одним из таких центров скептухий мог быть и Вани.

Археологический материал позволяет стратифицировать в соци-

ально-политическом отношении население Колхиды. Выделяются аристократическое сословие, правящая верхушка, сосредоточившая в своих руках всю гонимую власть и огромные богатства, результат эксплуатации широких слоев населения страны; происходит регулярное отчуждение ими прибавочного продукта, созданного руками непосредственных производителей. На другой стороне общества находится наиболее эксплуатируемая часть населения - рабы, количество и сфера применения труда которых в V-IV вв. до н.э. были довольно ограниченными. Они же составляли слой придворных и домашних слуг, которые, в отличие от основной массы рабов, имели определенные социальные позиции, хотя и оставались совершенно бесправными. Между диаметрально противоположными сословиями находился ряд категорий свободного и полусвободного населения. От широких слоев общинников уже отделилась сельская знать - сословие профессиональных воинов, дружинников, призванных охранять интересы правящей верхушки, класса эксплуататоров. Как известно, вооруженный общинник не мог быть идеальным объектом эксплуатации. Выделение профессиональных воинов, противостоящих общинникам - непосредственным производителям, хорошо видно на примере кувшинных погребений Колхиды. В последних, как правило, отсутствует оружие и, напротив, в большом количестве представлено оно в погребениях знати, правящей верхушки и связанных с ними дружинников. Не представляло собой однородной, социально единой категории и основное население страны - крестьяне-общинники, жившие в многочисленных сельских общинах. Кувшинные погребения наглядно указывают на значительное имущественное расслоение среди общинников. С одной стороны, выделялась богатая верхушка, а с другой - обедневшие, возможно, безземельные, крестьяне пополняли ряды бесправного населения. В это время наряду

с общинной существует и частная собственность на землю. Большая часть средств производства сосредоточена в руках правящей верхушки, земля обрабатывается не рабами, а зависимыми общинниками. Таким образом, основными производителями материальных благ остаются крестьяне-общинники. Определенное место в социальной стратификации общества Колхиды VI-II вв. до н.э. принадлежит жрецам, кушцам и ремесленникам. Как подчеркивалось в "Манифесте Коммунистической партии", в докапиталистических обществах "мы находим почти повсюду полное расчленение на различные сословия - целую лестницу различных общественных положений".

Археологический материал также свидетельствует о наличии крупных, в социальном отношении довольно дифференцированных греческих поселений. Они еще раз подтверждают то обстоятельство, что нельзя игнорировать сведения древних авторов о существовании греческих полисов и в Восточном Причерноморье. Население этих городов, действительно, было смешанным, но ведущую экономико-политическую роль играли греки-переселенцы. Наличие в Колхиде государственной власти не могло быть препятствием для возникновения греческих торгово-промышленных поселений, если в их существовании в экономическом аспекте была заинтересована местная знать и правящая верхушка. Последние, располагавшие значительным отчужденным прибавочным продуктом в результате эксплуатации широких слоев трудящихся, нуждались в их реализации и получении высококачественных заморских товаров, предметов роскоши.

Результатом общности экономических интересов колхов и греков является возникновение чекана "колхидок", выпускаемых в значительных масштабах монетным двором Фасиса.

Эллинистическая эпоха в Колхиде ознаменовалась повсеместным

внедрением эллинизированной строительной техники и архитектуры, появлением греческих форм в керамике, изменением отдельных элементов погребальных обрядов, широким распространением греческого языка и письменности, синкретизмом греческих и колхских культов, религиозных верований. В целом, технико-хозяйственные и культурные достижения греческого мира становятся достоянием колхидского общества, что способствовало дальнейшему прогрессу страны. Эллинистическая культура не могла быть насаждена механически, насильно, путем вторжения, инфильтрации месхских племен, колонизации Колхиды в эпоху "большой экспансии Иберии", как это предполагают некоторые исследователи.

Несмотря на это, греческое влияние все же было поверхностным и не затронуло глубины социально-экономического строя. Колхидское царство оставалось небольшим государством раннеклассового типа, имевшим свои специфические особенности. Слабый государственный аппарат все же выполнял основные функции, держал в повиновении непосредственных производителей, эксплуатируемых представителями верхних слоев общества, знатью.

Основой экономики являлось сельское хозяйство, были развиты различные отрасли ремесленного производства: металлургия и металлообработка, златокузнечество, текстильное, гончарное производство и многие другие. В них была занята значительная часть местного населения, жившего в городах. Большого развития достигает внешняя и внутренняя торговля, существует общеколхский внутренний рынок, для которого характерен замкнутый характер денежного обращения. В V, IV и в первой половине III в. до н.э. обращаются преимущественно "колхидки". После прекращения чеканки "колхидок" внутренний рынок фактически остался без мелких разменных монет,

которые можно было использовать при повседневных мелких сделках. Поэтому преувеличивать степень развития торгово-денежных отношений в стране для III-II вв. до н.э. нельзя. Такую монету не могли заменить золотые статеры Александра и Лисишаха, нехватка которых при острой экономической потребности в них породила на свет так называемые "местные подражания".

Религия античной Колхиды носила политеистический характер. Как это характерно для классовых обществ, божества колхского пантеона имели антропоморфный образ; почитались и священные животные. В иерархии колхских божеств ведущее место занимали Мать-Земля, Великая мать богов, и бог Неба, связанные с идеей плодородия и имевшие ярко выраженный земледельческий характер. В Колхиде, как и в соседних эллинистических государствах, существовал и культ царя.

Значительным было влияние эллинской культуры и идеологии. В эллинистическую эпоху широкое распространение получил процесс синкретизации, происходило слияние греческих и местных божеств, чьи функции совпадали. В Колхиде распространялись иконографические образы греческих богов (Диониса, Деметры и др.). Очагами этих процессов являлись приморские города. Отсюда распространялись вглубь страны уже с V в. до н.э. греческий язык и письменность.

В эллинистическую эпоху в Колхиде строятся храмы греческого ордера, воздвигаются алтари для небесных и хтонических богов, возникают богатые храмовые общины.

Все рассмотренные нами письменные и археологические источники подтверждают существование с VI в. до н.э. Колхидского государства.

Колхидское царство просуществовало до конца II в. до н.э., вписав одну из ярких страниц в историю грузинского народа.

Основные положения диссертации опубликованы
в следующих печатных трудах автора

1. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1971. Монография. 11 а.л.
2. Животноводство и промыслы античной Колхиды. СА, 1967, № 1, 1 а.л.
3. Античные монеты из Ванского городища. ж. "Цискари", № 8, 1967, (на груз. яз.) - 0,5 а.л.
4. Наконечник тарана из Вани. СА, 1969, № 4.
5. Некоторые вопросы религии и культуры античной Колхиды. Сб., "Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока", Тбилиси, 1968, 1 а.л.
6. Основные итоги археологических раскопок I участка Ванского городища. Сб., "Вани", I, Тбилиси, 1972 (на груз. яз., с русским резюме), 1,5 а.л.
7. Ванское городище и некоторые вопросы военного искусства Колхиды. Сб., 25 лет Ванской археологической экспедиции. Тбилиси, 1973, стр. 31-33.
8. Основные итоги Западногрузинской разведочной археологической экспедиции 1966 года. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. У Тбилиси, 1972 (на груз. яз. с резюме на русск. яз.). 4 а.л., совместно с Г.К.Григолиа, М.В.Барамидзе, Г.Ихакадзе.

9. Из истории исследования античных памятников Западной Грузии. (история, итоги, проблемы) ж. "Цискари", 1974, № 5 (на груз. яз.) 1,5 а.л.
10. Результаты химико-технического исследования некоторых видов железных колхских орудий. Сб. "Исторический вестник", IV. Тбилиси, 1973 (на груз. яз., в соавторстве с Г.Инаншвили).
11. Оружие и орудия производства из Ванского городища. Сб. "Вани, II", Тбилиси, 1975 (в печати) 2,5 а.л.
12. Домонетные формы денежного обращения в Колхиде. Сб. посвященный памяти Д.Г. Капанадзе (в печати) 0,5 а.л.
13. Алтари Ванского городища. Сб. в честь 75-летия В.Д. Блаватского (в печати) 0,5 а.л.

გურამ აბრამის ძე ღორჯიფანიძე

ძველი კოლხეთი VI - II სს

/ისტორიულ-არქეოლოგიური გამოკვლევა/

რუსულ ენაზე

Зак.1288

Тир.250

Тбилисская книжная фабрика Государственного
Комитета Совета Министров Грузинской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, пр.Дружбы,7